

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

д-р филол. наук, проф.,

проф. каф. общеобразовательных дисциплин и методик преподавания

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: sienkiewiczw@tut.by

ПАФОСНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ И ЭТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Статья посвящена исследованию этических предпосылок и этических оснований мифологии-демонологии. Антитеза мифического и легендарного рассматривается на примере противопоставления мифического образа черта и легендарной демонической фигуры – дьявола. Отмечается связь названного мифического образа с искусством, исследующим реальность недискурсивными (нерассудочными) путями. Постулируется духовная сущность культуры, ее идеологическая природа и связь с категорией демонизма. Отмечается революционный пафос названной категории, ее деструктивный характер. Исследуется аспект воплощения демонизма на примере одного из героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

Человек – эхо и зеркало Вселенной

Сергей Рубинштейн

Введение

О связи мифа и языка написано много. В истории философии доказывалось тождество этих понятий (Кант и неокантианцы) [1]. Понятие мифа играет одну из главных ролей в философии Эрнста Кассирера [2]. В течение XIX–XX вв. до сей поры представителями различных философских школ осуществляются поиски глубинных связей языка и мифа. Особое понимание связи языкознания и мифологии связано с именем профессора Харьковского университета А.А. Потебни [3].

Иначе обстоит дело с исследованием проблемы воплощения легендарного в языке. На сегодняшний день эта проблема остается неразработанной как в философии, так и в языкознании. Между тем, несомненно, она не менее интересна, чем исследование мифологических основ языка. Отдельный вопрос, связанный с названной проблемой, – интерпретация различий мифа и легенды в лингвистических понятиях и категориях. В существующих словарях четкого различия мифа и легенды обычно не проводится. Мифическое, как правило, отождествляется с легендарным, ср.: *мифический* – «оваянный преданиями, легендами, сказочный»; *миф* – «сказание о богах и легендарных героях» (Малый академический словарь, далее – МАС) [4, т. 2, с. 278].

Антитеза мифического и легендарного

Антитеза мифического и легендарного является фундаментальной и связывается с противопоставлением искусства и культуры. Миф принадлежит искусству – области допредикативного (несказанного) интуитивного опыта человечества. Мифический опыт – неотъемлемая составляющая жизненного мира человека. Это мир «жизнепрактических смыслов, обладающих непосредственной очевидностью»¹. Жизненный мир феноменален – он для человека. Однако миф не легенда. Легенда бытует в области духовной культуры с ее непреложными институтами и законами. Легенды возникают

¹ Тема жизненного мира весьма популярна в философии 2-й половины XX в. (Л. Ландгребе, В. Биммель, Г. Бранд, Э. Штрёкер, И. Керн, Б. Вальденфельс, П. Янсен, А. Пажанин, К. Шуман и др.).

на уровне трансцендентального *бытия в себе*, где не властвует субстанция мысли, но господствует конструктивная (или деструктивная) лишенная вещественности идея.

Миф – область феноменального наивного опыта человечества, воплощенного в искусстве. Этот опыт есть опыт «бытия для себя». Ему причастно то, чего никогда не было и никогда не будет, а есть сейчас. Эту реальность нельзя объяснить, исходя из закона причинно-следственных отношений. Она не подвергнута сомнению, не дискурсивна. Это область верований человека. «Полной и истинной реальностью для нас (разрядка наша. – В. С.), – отмечает Х. Ортега-и-Гассет, – является лишь то, во что мы верим» [5, с. 475]. «Обычно называют реальностью вовсе не некую свободную от всяких человеческих интерпретаций первозаданную реальность, но то, что мы считаем реальностью, во что мы верим крепкой и устойчивой верой» [5, с. 478]. Верования становятся реальностью для человека с первобытным сознанием. В его жизненном мире мифические персонажи не кажутся, но воочию есть во всей их живописности и выразительности. Для него они реальны, как, например, реальны для ребенка Дед Мороз, добрая фея, снежная королева и другие персонажи детских волшебных сказок.

Допредикативный феноменальный мир познается недискурсивными (нерассудочными) путями. Ими следует искусство. В известной лекции В.Я. Брюсова «Ключи тайн» (1904), прочитанной им в Москве 27 марта 1903 г., в аудитории Исторического музея, и 21 апреля того же года в Париже, в кружке русских студентов, доминирует мысль о запредельности искусства. «Искусство только там, где дерзновение за грань, где порывание за пределы познаваемого, в жажде зачерпнуть хоть каплю “стихии чуждой, запредельной”» [6]. Вопрос в том, что нам удастся узреть за пределами поля явлений. Здесь открывается новое измерение бытия, новая сфера самого достоверного знания. Эдмонт Гусерль узрел здесь царство смыслов и сущностей, интуитивно-достоверных, вечных и непреходящих [7, с. 122].

Творение мифа – область искусства. Творимая художником реальность находится за пределами физики, она метафизична. «Мета» есть непременно «выход за пределы» [7, с. 262]. Миф творится словом. Художественная литература как искусство слова трансформирует миф. По мифологическим сюжетам созданы многочисленные паремологии – пословицы, поговорки, загадки и т.п. Следами мифического сознания в языке являются многочисленные мифические существа: *русалка, леший, домовой, кикимора болотная* и т.п. Все они подводятся под категорию *нечистая сила*. В народных поверьях: *нечисть* – «темные силы, враждебные человеку (лешие, водяные, черти, ведьмы и т.д.)» [4, т. 2, с. 494]. Нечисть противостоит живой душе человека, оказывает на нее тлетворное влияние: – *Эка! – проговорил Федя после недолгого молчания, – да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить?* (Тургенев, *Бежин луг*). *Нечистый* – одно из декриптивных (описательных) названий черта.

Миф – вера в то, чего нет на самом деле. Мифическое существует, однако *не есть*. Так, например, нельзя назвать мифическим существом Бога – управляющую миром «чистую силу», источающую благодать. Бог есть. *Modus vivendi есть* очеловечивает живое существо. Человек не существует подобно вещи (объекту) – не «влачит жалкое существование», но также есть. По сути, миф – это приукрашивающий реальность обман, красивая байка, в которую так хочется верить. В этом «хочется верить» и заключается, вероятно, живучесть мифа не только для первобытного, но и для современного сознания.

Человек с мифологическим сознанием пытается жить в мире, которого на самом деле нет, в мире, в котором он знает, что будет, или ожидает, что если он сделает то-то, то будет то-то и то-то. В мире ожидания. Но реальность иная и действует не по закону

наших желаний. Если ее не замечать, то она врывается в жизнь подобно руке, вынимающей рыбу из воды.

«Поле нашего глаза бесконечно, и в этом поле мы видим то, что видит глаз. Но представьте стенку аквариума, в которой бесконечно отражается вода самого аквариума, – рыба не видит стенки, она бесконечно видит только воду. Потому что если бы она увидела стенку, то увидела бы и то, что она – в аквариуме. А она не видит, что находится в аквариуме.

А реальность врывается в аквариум или в мир рыбы, или в мир влюбленного, подобно тому, как в реальном, действительном аквариуме появляется рука человека и вынимает рыбу из воды, которая ей казалась единственной и бесконечной. Куда бы она ни посмотрела – везде была вода, а тут вдруг – рука появилась и вынула ее из аквариума» [8].

Бытие противостоит небытию. Вопрос в том, чему сознание приписывает модус «есть» – тому, что обладает подлинной (чистой) реальностью, или же ее антиподу – существующему кажущемуся миру. Мифический мир не имеет под собой реального основания, тем не менее он занимал в древности и не перестает занимать существенное место в сознании современного цивилизованного человека. Если мифология творится интуитивным словом, то легенда создается дискурсом, конструирующим культурные «между-миры». В легенде господствует идея, выразить которую способен лишь символ. С помощью символа можно вступить в контакт со скрытой духовной реальностью: голубь – символ *мира*, змея – символ *мудрости*, сердце – символ *любви* и т.д.

Легенда направлена на динамическое состояние мира. «Мир не есть. Мир происходит» (М. Мамардашвили). О легендах говорится, что они «ходят»: *В нашей семье о нем ходили целые легенды, окружавшие это имя грозой и мраком* (Короленко, *История моего современника*). Статичные же, по сути, мифы не «ходят»; они живут и удивляют своей живучестью. Миф – процесс вечного преобразования. Легенда, напротив, – категория позитивная, связанная с революционными изменениями и конструктивной деятельностью. В отличие от архаического мифа легенда – категория культурно-историческая. Легенда объясняет происхождение чего-л.: легенда «основанное на устных преданиях, опозитивированное сказание об историческом или вымышленном лице, событии и т.п.» [4, т. 2, с. 168]. Например, известны легенды о происхождении названий городов, о происхождении отдельных народов и т.д.

Легенда событийна. Термин *событие* имеет широкий спектр как общих, так и специальных толкований: как природное явление (геологическое, экологическое, космологическое и т.п.); как событие историческое; психобиографическое («история жизни»); мировое (катастрофы, войны, эпидемии); как событие в статусе происшествия (повседневная событийность). В разных пониманиях событийности просматривается объединяющий момент – событие происходит. Событийная транзакция не предусматривает длительности (линейности). В понимании физиков все события составлены из событий-точек (пунктов). Происходящее нельзя представить как непрерывный процесс: смена монархов, войны, революции и т.д. Событие в этом смысле означает нечто произошедшее и уже необратимое [9, с. 345]. Событие означает нечто выходящее за рамки обычной жизни и поэтому «легендарное». По отношению к событию, в отличие от онтологии, нельзя применить слово «вечное» [10, с. 84].

В обычном понимании, событие – акт, после осуществления которого возникает новая реальность. Институционализация события есть его официальное удостоверение

ние². Легенда связана с событийной позитивной деятельностью. Ее хранят и передают из поколения в поколение по традиции. Традиционная культура не может не быть легендарной.

Легенда – область духовной культуры. Дух воинственен, он не может смириться с состоянием душевного покоя. В легендарном проявляется пафос: *легендарные подвиги, легендарный город, легендарность событий* и т.п. В отличие от мифов, легенды не творятся, но рождаются по необходимости – как проявление Закона (*nomina*). В легенде не стоит вопрос о правде жизни, но возникает проблема достоверности (идентификации). Легенду иначе можно назвать недостоверным свидетельством произошедшего события. Миф – понятие этическое и, следовательно, концептуальное. Концепты, как и мифы, творятся. Это то, под чем человек «подписывается». Легенда – категория эмическая. Легендой личность «вписывается» в действительность.

Природа легенды номинативная. Не бывает легендарного слова, однако выражение *легендарное имя* бытует в языке. Истории известны легендарные личности. Например, Ахиллес является одним из самых известных легендарных героев Древней Греции. В отличие от живого и честного слова, имя – социальный институт; в имени могущество и слава.

Фигура беса (дьявола, демона) и образ черта принадлежат, соответственно, к мифологии и демонологии. Эти понятия не тождественны.

Дуальность человека; его неприятели и враги

Сам по себе человек не виновен, греха на нем также нет. Человек чудесен по природе и удивляет своей личностью. Вот как восхищенно отзывается о человека и не перестает удивляться его достоинству герой шекспировской трагедии великий гуманист и выдающийся деятель в Датском королевстве принц Гамлет:

«Что за мастерское создание – человек! Как благороден разумом! Как бесконечен способностью! В облики и в движении – как выразителен и чудесен! В действии – как сходен с ангелом! В постижении – как сходен с божеством! Краса вселенной! Венец всего живущего!» [11, с. 60].

Человеческий индивид выступает в двух ипостасях: имманентной – как человек («есть для себя») и трансцендентальной – как личность («быть в себе»). Его двойственность в том, что он одновременно *Сам* – обладает самостью, и Другой – социальный конструкт. Человеку присуща жизнь, и в то же время он причастен к Бытию. Вкус жизни и идеи бытия доступны человеку как Божьему творению и воплощению Его креативной идеи. В человеке заключена не только великая творческая импрессия жизни, но и созидательная экспрессия бытия – возвышенное и горнее. Человек пребывает «над», выступая в качестве микрокосма; в то же время он находится «под», пробуя рефлексивно докопаться до начал (архе) самого себя. Он историк и археолог. Пафос бытия воплощен в его уникальной личности, жизненный этос запечатлен в аутентичном человеческом индивиде.

---

² Так, событием мы назовем акт бракосочетания, в результате которого возникает институциональная реальность – супружество. Языковым институтом удостоверения события выступает категория имени. Благодаря имени событие обретает бытие. В этом смысле событийным статусом наделяются все научные открытия, названные именами ученых, впервые их открывших; также получают имена различные стихийные явления и аномалии, исторические эпохи и политические события. Имя поднимает событие на уровень социального бытия.

Не может сотворенный Богом по образу своему чудо-человек быть безобразным. Человек само совершенство; он велик и прекрасен. Его чудесный образ опоэтизирован и воспет³. Не способна личность, созданная по подобию Личности Создателя, впасть в грех. Всяческие безобразия, которые человек сотворил и не перестает творить, не являются воплощением его Божественной сущности. Ужасы и извращения, которые он содеял и в которых замешен, не выражают его духовно-созидательную креативность. Горе-злосчастие, сопутствующее человеческой жизни и сопровождающее его в действительности, связано с удалением и отпадением от Бога – творца и созидателя. Без Бога место в жизни человека занимают неприятели и враги. Причиной его несовершенства и поводом падения как личности является мифическая нечистая сила и демоны. Они – его «анти» и «контра».

Избегая всяческой нечисти, человек обретает опыт святости; борясь с дьяволом, он крепнет духом. Что его не убивает, то делает крепче. Человек не только проторяет путь к самому себе, но и выходит в люди, устанавливающие достоинство его личности. Он благороден и вместе с тем не лишен достоинств. Как ни парадоксально, однако в становлении благородства человека не обошлось без черта – анти-Христа, а своим достоинством он во многом обязан дьяволу. Что бы преодолевал человек, и с кем бы он боролся, если бы не было мифического черта и легендарной «контры» – дьявола? Индивидуальной целостности и единству собственной личности человек не может не быть обязан как тому, кто его «держит», так и тому, кто его «путает».

Проблему бытия («быть или не быть?») человеку не решить, а вопрос жизни и смерти («все или ничего?») не снять с повестки дня без нечистой силы и деструктивных вражеских элементов. Этос человеческой жизни и пафос личного бытия определяется и так или иначе связан с ними. Не поднимается тот, кто не падает; нельзя обрести то, что раньше не было потеряно. Именно в таком контексте становятся понятными Слова, исполненные Благодати и Истины, Того, кто противостоит лукавому: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. 5:44).

Черт как антипод человека

Есть два вида деятельности – деятельность, направленная на достижение какой-либо цели, и деятельность, ориентированная на то, чтобы избежать каких-либо неблагоприятных обстоятельств. На санскрите эти две формы деятельности называются *п्रावртти* и *нивртти* – позитивной и негативной. Понятие негативной деятельности можно проиллюстрировать многими примерами. Скажем, больной человек должен беречься и принимать лекарства, чтобы не заболеть [12, с. 20]. Образ черта связывается с негативной деятельностью. Не кто иной, как черт, создает неблагоприятные жизненные обстоятельства жизни, которые человек всячески стремится избежать. В формуле понимания жизни как «Я есмь Я и мои обстоятельства» (Х. Ортега-и-Гассет) черт находится в части «...и мои обстоятельства», т.е. имеет эмпирическую (вещную) природу.

Одним из способов избежать неприятностей является непоминание черта: *поминать черта* – грубо выражаться, ругаться, используя слово *черт*. Не рекомендуется *чертыхаться* – поминать черта, особенно к ночи. Выражение *не будь помянут* в значении вводного предложения в русском языке употребляется как форма извинения за то, что приходится говорить о том, о чем не следует вспоминать: [Светловидов]: *Егорка!*

³ Например, образ русского чудо-человека в поэме А. Твардовского «Василий Теркин».

Петрушка! Где вы, черти? Господи, что же это я нечистого поминаю? (Антон Чехов, *Лебединая песня*). – *Тогда иди, – сказала Климова. – Ни пуха, ни пера. Цыганков не от-ветил. Поминать черта к ночи не хотелось* (Андрей Троицкий, *Беглый огонь*). *Тебя слышат, ты слышишь, а где кто – не разберешь. И вообще... Вот же черт, затягивает все, как...* – *Не поминал бы к ночи, Тарас. Особенно к этой* (Алексей Селецкий, *Нелюдь*).

Слово *черт* не полагалось выговаривать вслух, по крайней мере – без особого на то повода. Считалось, что простого упоминания черта достаточно, чтобы он услышал и приблизился к неосторожному человеку, а то и навредил ему. Поэтому в обыденной речи, чтобы избежать упоминания черта, обычно используют эвфемизмы – вместо слова *черт* употребляются его субстантивированные дескрипции. Наиболее известные из них: *нечистый*: *Казак, плеснул себе и супротивнику, а пока черт водку пил, взял да и свистнул у... Нечистому и невдомек, что казак вторую стопку его пешкой захрум-кал* (Андрей Белянин, *Как черт с казаком в шахматы играл*); *лукавый* [Франц]: *Воротился ночью мельник... Женка, что за сапоги? Ах, ты пьяница, бездельник! Где ты видишь сапоги? Иль мутит тебя лукавый? Это ведра* (Александр Пушкин, *Сцены из рыцарских времен*); *от лукавого* что – о ненужном мудрствовании, об излишнем усложнении чего-л. [4, т. 2, с. 204]; *черный*: *Гляди, вот до чего старики голодные, – сказал мне Егорша. – Им, ядри их черт, все равно, что делается... – А ты черного-то к ночи не поминал бы, паяц с ярмарки* (Максим Горький, *Об избытках и недостатках*).

В. Даль [13, с. 202] и С. Максимов [14, с. 132] приводят свыше сотни эвфемизмов черта, что, безусловно, говорит о боязни употреблять его доминантное название. Э. Померанцева свидетельствует о запрете упоминать слово *черт* в русском фольклоре. В Новгородской губернии: «Когда по воде едешь, *немытика* нельзя поминать, т.е. произносить слово “черт” или “дьявол”, да и вообще без упоминания даже имени не следует заводить речи о нем, не нужно привлекать к себе его внимание». Во Владимирской губернии считали, что «как зачнешь ругаться, он подскочит и толкает, ругайся, дескать, больше». Слово «черт» хотя и употребляется там, но чаще заменяется словом «шут», «шутник», «окаяшка», «черный» [15, с. 97].

Черт не феномен; он не явлен для человека, но как внешнее явление «отъявлен» от него; ср.: *отъявленный* ‘обладающий высшей степенью какого-л. отрицательного качества (*отъявленный плут, отъявленный мошенник* и т.п.)’ [4, т. 2, с. 725]. Слово *черт* – общее название всей нечистой силы. Черт сеет зло, никогда не выступает в качестве благодетеля, как иногда леший, водяной и домовый. Иногда человеку удается победить это зло с помощью хитрости и крестной силы.

Черт – самый популярный персонаж русской мифологии. Его образ широко отражен в русском искусстве разных видов и эпох: его знает древнерусская живопись и современная скульптура, русская литература от житий и апокрифов до современной поэзии и прозы; к нему обращались заговоры и заклинания, его упоминают многочисленные пословицы. Сказки о черте распространены исключительно широко. Мы найдем их в любом сборнике русских сказок, начиная с Афанасьева и до наших дней. Особенно популярен сюжет о том, как мужик пугает чертей тем, что вьет у озера веревку или «морщит» воду. Благодаря использованию в свое время этого сюжета Пушкиным, он получил широкое распространение среди детей. О том, насколько образ черта широк и многогранен, может напомнить не только черт Пушкина (побежденный Балдой), но и черт Гоголя (побежденного Вакулой), черт Достоевского и нечистая сила в романе Булгакова.

Известна русская пословица «Не так страшен черт, как его малюют» (говорится о преувеличении значимости какого-либо отрицательного явления). Черта не рисуют,

но *малюют*. Он безобразен. Ср.: *малевать*. Разг. Писать, рисовать красками плохо, неумело или безвкусно»; *малеваться* Прост. Грубо красить, мазать свое лицо. *Маляр* 2. Пренебр. О плохом живописце, художнике. /Сальери:/ *Мне не смешно, когда маляр негодный Мне пачкает Мадонну Рафаэля* (Александр Пушкин, *Моцарт и Сальери*) [4, т. 2, с. 218]. Черт как бы не стоит того, чтобы им занималась живопись. Но образ безобразного – тоже искусство. Безобразное оттеняет образное (прекрасное).

По сути каждый может «намалевать черта», если искусство подменяется ремеслом. Ср.: *ремесленник* (перен.) «тот, кто работает, выполняет свои обязанности, без творческой инициативы, по шаблону» [4, т. 3, с. 705]. Человек спасается от скуки творчеством. Сама по себе жизнь никогда не надоедает. Однако скука жизни настаивает человека, когда его жизнь уже не есть «миг между прошлым и будущим», а становится вяло текущей. Впечатление от такого рода состояния высказывается глаголом *осточертеть* ‘опротиветь’. Слово *осточертеть* возникло на основе фразеологизма *надоесть как сто чертей*: [16, с. 316] *За долгую зиму примелькался чужой город, – осточертели скучные чужие порядки* (Иван Соколов-Микитов, *Матросы*); – *Без дела я уже и так насиделся. Осточертело!* (Георгий Марков, *Сибирь*) [4, т. 2, с. 656].

Образ черта обычно ассоциируется с нечистотой. Однако *нечистый* не означает «грязный». В нечистом нет света (светлости) – он *мутный*. *Мутить* ‘делать смутным’ (*разум помутился, мутится свет в глазах, мутится в голове*); ‘вызывать беспокойство, несогласие, недовольство; настраивать против кого-, чего-’ (*мутить народ*); ‘о состоянии тошноты, дурноты’ (*мутить от запаха*) [4, т. 2, с. 313]. Ср.: *муть, муторно на душе, смута, замутить дело, ловить рыбку в мутной воде*. Черт мутит, смущает, сеет смуту; *черт мутной воды*. Жарг. угол. Неодобр. Человек, не связанный с преступным миром, выдающий себя за вора (Большой словарь русских поговорок, далее – БСРП) [17, с. 381].

Черт не имеет определения, он описывается как явление: *Черт корявый*. Прост. Бран. О рябом человеке [17, с. 381]; *Черт косоглазый*. Прост. Презр. Кличка китайцев [17, с. 381]; *Черт косой*. Прост. Бран. 1. О косоглазом, косом человеке. 2. Об очень пьяном человеке [17, с. 381]; *Черт кудрявый*. Прост. Бран. О лохматом, очень кудрявом человеке [17, с. 381]; *Черт лобатый*. Лит., Лат. Бран. О человеке, вызывающем отрицательные эмоции [18, с. 342] *Черт малоглазый*. Кар. Бран. О человеке с маленькими глазами. (Словарь русских народных говоров, далее – СРНГ) [18, с. 193]; *Черт сухопутный*. Курск. Бран. О человеке, вызывающем отрицательные эмоции. *Черт усатый*. Жарг. угол. Неодобр. Кличка И.В. Сталина. России [17, с. 381]; *Черт шелудавый*. Пск. Бран. О непослушном животном [18, с. 193]; *Черта лысого*. Прост. 1. Абсолютно ничего 2. Выражение категорического несогласия, отказа кому-л. (Фразеологический словарь русского языка, далее – ФСРЯ) [19, с. 523]; *Черти полосатые!* Прост. Бран. Возглас раздражения или возмущения [17, с. 380]. *Чертом меченый*. Волг. Неодобр. О крайне глупом человеке [13, с. 85].

В русском фольклоре образ черта представляется существом, похожим на человека, с черной густой щетиной и волосами, с рогами, хвостом и копытами. Главная «доостопримечательность» черта – его рога. Ср.: *Черт с рогами*. Волг. Неодобр. Озорник, хулиган [13, с. 85]. *Черт рогатый*. 1. Жарг. угол. Шутл.-ирон. Зоотехник; дояр. Жарг. арест. Пренебр. Деградирующий, унижаемый всеми заключенный [17, с. 274]; *У черта на рогах*. Прост. То же, что у черта на куличках [19, с. 523]; *Лезть к черту на рога*. Прост. Действовать сгоряча, не считаясь ни с чем, не думая о последствиях [13, с. 85]; *Черти [на рогах] принесли кого*. Прост. Неодобр. О ком-л., неожиданно, некстати по-

явившимся, пришедшим [13, с. 85]. Рога ассоциируются с тем что «анти». Наставленные *рога* – всегда наставлены против кого. Черт всегда «анти» – антипод Божественного, а значит, и человеческого. Он дергает человека – сбивает его с Пути истинного. Человек непременно чертыхается, когда кто-то сбивает его с ритма жизни. В отличие от дьявола, черт не враг человеку, но противник его во всем.

Парадоксально то, что черт в русской паремиологии выступает весьма «знающим» существом. Ср.: *Черт ведает*. Пск. То же, что *черт знает* [18, с. 193]; *Черт знает*. Прост. 1. кого, что. Абсолютно ничего не известно о ком-л., о чем-л.; Бран. Восклицание, выражающее возмущение, негодование [19, с. 384]. *Черт знает что*. Прост. Нечто невообразимое [19, с. 39]; *Одному черту известно*. Разг. Абсолютно ничего не известно о ком-л., о чем-л. [19, с. 525]. Знание противопоставляется пониманию. Черта поминают в связи с чем-то непонятным: *Не хватало сапог, пушек, седел, упряжки. Все это лежало где-то по военным складам, но черт их найдет – эти склады, а и найдешь – такая начнется переписка, что уж сам черт сломит ногу* (Алексей Толстой. *Хлеб*).

Деятельность черта связана с охотой за душами человеческими. В этом он антипод Христу, который обучает учеников тому, как стать «ловцами душ». Концепт «душа» встречается в поговорках на тему черта: *Отдать черту душу*. Курск. Покончить жизнь самоубийством [18, с. 193]; *Черти душу переели кому*. Волг. Кому-л. надоело, стало неприятным что-л. [13, с. 85]; *Черти душу скребут кому*. Волг., Горьк. О состоянии смуты [4, с. 85]. *Черт на душе сидит у кого*. Пск. Неодобр. О скрытном, двуличном человеке [18, с. 193].

Персонифицированное зло. Дьявол

Личностное зло воплощено в дьяволе. Если черт является мифическим существом, то дьявол – персонаж легендарный. Легенда гласит о том, как ангел возжелал стать равным Богу и был за это низвергнут с небес. Можно быть богоподобным, однако нельзя быть богоравным. Дьяволу приписывается ненависть к созданиям божьим, противостояние Богу, распространение лжи и хаоса. Дьявол – воплощение людских страстей и гордыни. Он пал в объятия греха, поддавшись эгоистическим побуждениям к ложной личной свободе – отрицанию вселенской преданности, неуважению к братским обязанностям, забвению космических взаимоотношений. Дьявол – категория демоническая, символизирующая дискурсивную сферу сознания, с ее культом успеха и личного превосходства.

Фигура дьявола появляется на уровне сущего (бытия в себе). Прилагательное *суций* употребляется в русском языке как экспрессив: *суций дьявол, суций ад, суций пустьак* и др. Дьявол принадлежит трансцендентальной сфере сознания⁴. В философии экзистенциализма под бытием понимается личность – трансцендентная (Бог), коллективная (Мы), обособленная (Я). Бытие – уровень события. Переход от «есть» к «быть» – это одновременно переход от Благодати к Закону, от обстоятельств к личности – позитивному (проявленному) существованию. Личность позиционирует себя как «Я».

Дьявол – начало разъединяющее. Бунтарь и революционер, он противопоставляется эволюционному (энстенциональному) черту. В народных поверьях черт отличается

⁴ Лат. *transcendens* – перешагивающий, выходящий за пределы; то, что принципиально недоступно опытному познанию или не основано на опыте. Термин «трансцендентный» употреблялся в философии Канта для характеристики *ноуменов*, т.е. вещей-в-себе, которые хотя и проявляются в мире феноменов в виде известных нам явлений, не могут, тем не менее, сами быть восприняты в чувственном (эмпирическом) опыте; об их существовании мы узнаем лишь умозрительно.

от дьявола. По заонежскому поверью: «*черт чертом, а дьявол сам по себе*» [18, с. 193]. Ср.: *Ни черта ни дьявола у кого*. Волг. Об одиноком человеке [13, с. 85]. Дьявола выгоняют, а от черта открещиваются.

К дьяволу не прилагаются вербальные дескрипции; его сущность выражается с помощью именных выражений – перифраз: *верховный дух зла, властелин ада, подстрекатель людей к совершению греха, клеветник, демон, отец гордыни* и т.д. Дьявол – «именитый» персонаж. Он известен под именами: *Люцифер, Вельзевул, Мефистофель, Воланд*. В христианстве дьявол наиболее известен под именем *Сатаны*. В библейских текстах дьявола называют *драконом, древним змием, князем этого мира*. Синонимом слова *дьявол* у славян стало слово *бес*.

Свободолюбивый ангел, поднявшимся на борьбу с Богом, понял личную свободу как своеволие. Свобода чужда органической целостности, подрывает жизнеспособность организма. «Жизнь есть сохраняющее единство многообразия, единство целого и частей; когда нарушена связь между ними, когда единство, связующее и хранящее, нарушено, тогда каждая точка начинает свой процесс: смерть и гниение трупа – полное освобождение частей» [20, с. 100]. Своёволие есть непослушание: *Своевольничать не надо. Надо слушать, что отец толкует* (Константин Седых, *Даурия*). Слово *своеволие* и производные от него в русском языке обладают негативной коннотацией: *своеволие, своевольник, своевольничать, своевольный, своевольно*.

Идея деструктивного своеволия выражена, например, в романе Ф. Достоевского «Бесы». Образ атеиста Кириллова свидетельствует о несовместимости с жизнью его противоборствующего мировоззрения. Отвергая Бога и считая себя обязанным «показать непокорность и новую страшную свободу свою», Кириллов приходит к выводу, что высшим пунктом его своеволия может быть только самоубийство как ничем не вынуждаемый уход из жизни.

«Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо я *обязан* заявить своеволие. Все несчастны потому, что все бояться заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявлять самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заявляю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. Только это одно спасет всех и в следующем поколении переродит физически; ибо в теперешнем виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своёволие! Это все, чем я могу в главном моменте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшная. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою» [21, с. 643–644].

Смирющийся человек осмысливается как органическая часть целого; противоборство с целостностью есть своеволие (бунт, мятеж, восстание) и недопустимо в интересах сохранения целого. Смирение как гармония с миром есть высшее проявление благородства. «Смиранный из смиренных – благородный человек» (Цянь). Ср.: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4:6). Смирение – покорность не другому человеку, а судьбе и естественному ходу вещей.

Заклучение

С лингвистической точки зрения, легенда, в отличие от мифа, не предполагает авторской рефлексии. Сущность легенды номинативная. Легенда воспринимается как реальность и обладает всеми параметрами реального. В легенде находят отголосок ми-

нувшие события, свидетелем или участником которых стал человек. Широко понимаемая легендарность – неотъемлемое качество языка, благодаря которому осуществляется не только дескриптивная деривация, но и институционализируется категория имени. Легенда ориентирована на самую реальность, номинированную в языке, мифу соответствует отражение этой реальности – действительность, имеющая коммуникативное основание. Миф определяется как «сказание», «повествование», «предание». Это «небылица», «выдуманная история»; в мифологии говорится о «мифическом образе», «мифическом представлении». Миф трансформируется в литературном творчестве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тетюев, Л. И. Иммануил Кант в давосской дискуссии между Э. Кассирером и М. Хайдеггером / Л. И. Тетюев // Иммануил Кант и актуальные проблемы современной философии : сб. науч. тр. : в 2 т. / под ред. В. Н. Белова и Л. И. Тетюева. – М., 2005–2008. – Т. 2. – 2008. – С. 179–187.
2. Ушакова, В. В. Концепция мифа в трактате Эрнста Кассирера «Философия символических форм» / В. В. Ушакова // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 113–117.
3. Потехня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потехня. – М. : Лабиринт, 2000. – 184 с.
4. Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС) : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 2, 3.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия. Культура / ред. А. Зись. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
6. Брюсов, В. Ключи тайн [Электронный ресурс] / В. Брюсов. – Режим доступа: https://web.stanford.edu/class/slavic272/materials/declarations/briusov_kliuchi1904.pdf. – Дата доступа: 23.09.2017.
7. Вышеславцев, Б. П. Этика преображенного эроса / Б. П. Вышеславцев. – М. : Республика, 1994. – 368 с.
8. Мамардашвили, М. Психологическая топология пути [Электронный ресурс] / М. Мамардашвили. – Режим доступа: <https://litlife.club/br/?b=18995&p=3>. – Дата доступа: 16.10.2017.
9. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук ; гл. ред. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2000–2001.
10. Воробьев, О. Ю. Эвентология / О. Ю. Воробьев. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2007. – 435 с.
11. Шекспир, В. Гамлет. Принц Датский. Король Лир / В. Шекспир. – Минск : Нар. асвета, 1974. – 352 с.
12. Бхактимведанта Свами Прабхупада, А. Ч. Нектар преданности / А. Ч. Бхактимведанта Свами Прабхупада. – М. : Бхактимведанта Бук Траст, 1976. – 512 с.
13. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981–1982. – Т. 2. – 1982. – 683 с.
14. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – М. : Терра, 1996. – 88 с.
15. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – М. : Наука, 1975. – 194 с.

16. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский ; ред. С. Г. Бархударов. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
17. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.
18. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. ; Л. ; СПб., 1965–2014. – Вып. 17 : Леснокаменный – Масленичать. – 1982. – 383 с.
19. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Совет. Энцикл., 1968. – 543 с.
20. Герцен, А. И. Письма об изучении природы. Греческая философия. Письмо третье/ А. И. Герцен // Избр. филос. произведения : в 2 т. – М. : ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 138–185.
21. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 10 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957. – Т. 7. – 757 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2017

Senkevich V.I. Pathos Demonology and Ethic Mythology

The nature of mythical character is reviewed in conjunction with antithesis of mythical and legendary, the key character of which is devil. This mythical being is connected with the arts. Connection of culture with the category of demonism is proven and revolutionary pathos of the above mentioned category and its destructive essence is postulated. The novel «Devils» («Besy») by F.M. Dostoevsky encompasses the moment of embodiment of demonism.